

Завещание Николая Лемаева

Быстро летит время, обгоняя часы, еще скорее спешат события. Кажется, вчера мы беседовали с Николаем Васильевичем Лемаевым в его московском офисе на улице Щепкина, а сегодня год, как его среди нас нет. Ангел смерти Азраил подстерег его на самом взлете, когда он как председатель совета директоров «Нижекамскнефтехима» был полон новых замыслов, строил планы, какие появятся новые заводы, что подвергнется реконструкции, перечислял изделия, которые будут внедрены в производство. Цифры назывались большие: миллиарды рублей затрат, такие же суммы выгод. Разброс суждений — от местных задач до державных проблем, обстановки в мировой экономике. Запомнились такие подробности. Годовое производство синтетических каучуков — на Нижней Каме их выпускают несколько видов, от массового изопренового до применяющегося в особых случаях бромбутилового — довести до 400 тысяч тонн, мощности завода этилена, это сырье для короля пластмасс — полиэтилена, увеличить до 600 тысяч тонн. В ОАО «Нижекамскнефтехим» — более двухсот наименований продукции. Половина идет на экспорт. Годовые платежи в российский, региональный, местный бюджеты — более 4 миллиардов рублей. Не предприятие, а курица, несущая золотые яйца. Конечный ориентир к 2005 году — производительность нефтехимического конвейера увеличить в 2,5 раза.

Характером Лемаев был однолюб. Нефтехимию, эту специальность эпохи новых материалов, он начал осваивать с должности сменного оператора. Крутил задвижки, носился по лестницам крекинг-аппаратов. Пройдя многие инженерные должности, в 32 года возглавил Нижекамский нефтехимический гигант. Впрочем, его еще предстояло построить. Когда спустя четверть века Лемаев уходил с должности бессменного командира предприятия, чтобы взвалить на свои плечи еще более тяжелое бремя забот министра нефтехимической отрасли страны, на Нижней Каме работал комплекс из полутора десятков производств, вырос город на 130 тысяч жителей. Министерство он возглавлял до заварушки с перестройкой. Он понимал необходимость перемен, но не воспринимал приемы, которыми осуществлялись реформы, был уверен, что их можно проводить с меньшими потерями, не разрушая, а созидая, и ушел из Правительства. Сам, по своей воле!.. По возрасту уже пенсионер, в его годы на огородных грядках копаются, пчел разводят, но Лемаев не мог жить только домашними заботами. Его энергичная натура жаждала деятельности, и вместе с другими предприимчивыми единомышленниками он создал акционерную компанию «Нефтек-Техно», которая стала заниматься проблемами нефтехимической отрасли. В самые трудные годы Лемаев возглавил совет директоров

«Нижекамскнефтехима» — своего детища, которому он отдал лучшие годы жизни. Беседа без заранее заданной цели, по случаю встречи давних знакомых, которым было что сказать друг другу — директору нефтехимического комплекса и летописцу предприятия — журналисту. О нефтехимиках я писал часто, а однажды, вдохновленный нижекамскими примерами хозяйствования, настроил об этих удивительных людях документальную книгу, которую по настроению назвал «Звездный час Нижекамска». Так и было: город, стройка, комбинат стали звездными мгновениями жизни красного директора Николая Лемаева. Толковище без оперативного повода что-то написать, просто разговор за стаканом чая с желтыми кружочками лимона. Свои пометки я делал «на всякий случай», конечно, не предполагая, что мне суждено стать душеприказчиком Лемаева, обнародовать его мысли в виде завещания. А вот и повод, точнее, два: 24 декабря ровно год, как Лемаева не стало, по традиции надо помянуть человека. Второй повод — паника, охватившая нефтяные страны, благополучие которых зависит от рыночной конъюнктуры, тревога финансистов, озабоченных сокращением потоков в казну нефтедолларов. Во время дефолта 1998 года за баррель платили 8-9 долларов. Катастрофа?! Затем — скачок, в час нашей беседы с Лемаевым цена поднялась до 34 долларов. Высокие цены оживили финансовое положение страны, появились надежды рассчитаться с международными долгами, облегчить участь пенсионеров, ветеранов, военных, прибавить зарплату учителям, врачам, библиотекарям. Но все равно было беспокойно, страна жила предчувствием, что обязательно рванет снова. Где? Насколько? И вот на тебе, в течение каких-то месяцев нефтяные цены упали до 18 долларов. А расчеты, заложенные в бюджетах России и Татарстана, — 20 долларов. Конечно, в беседе мы затрагивали болевые точки отечественного нефтяного бизнеса, строили схемы, как обезопасить страну от новых финансовых потрясений. И я решил предложить содержание беседы читателям. Как завещание Лемаева... Уверен, высказанные им идеи актуальны и сегодня, они будут востребованы на протяжении всего нынешнего столетия. Я, как полагается людям корреспондентского звания, задавал вопросы, в костерок разговора подбрасывал возбуждающие реплики, Лемаев отвечал, по памяти приводил доводы, цифры, которые я потом дополнил из справочных источников. Один из «затравочных» вопросов был такой: — Николай Васильевич, ощущение такое, что Россия постоянно живет под нефтяной капельницей, кризисы, неожиданные и непредсказуемые, словно засухи, следуют один за другим. Неужели эти катаклизмы нельзя предугадать, предупредить? — Почему неожиданные и непредсказуемые? Как бы аналитики ни пытались объяснить причины нефтяных катастроф кознями рынка, финансовыми комбинациями на биржах, нынешние затруднения отечественной экономики были спрогнозированы еще... в прошлом веке. Вот один из прогнозов дореволюционного прорицателя Н.М. Ядринцева: «Как бы ни была богата

страна своими естественными продуктами, но если она остановится на том же экономическом уровне, чтобы только вывозить их от себя..., она невольно обречет себя на вечную кабалу и эксплуатацию другими, более сильными в промышленном отношении местностями». Сказано давно, но словно про наши дни. Сегодня в российском экспорте доля готовых изделий вряд ли превышает десять процентов, остальное — преимущественно сырье. Прежде всего нефть... — Объяснение исчерпывающее, но знание причин не облегчает тяготы положения... — Конечно, положение серьезное, но не катастрофическое, во всяком случае, не безнадежное. Важно не только точно обрисовать ситуацию, сделать правильный выбор: сидеть на берегу нефтяного океана, под чужой задвижкой ожидая благоприятной погоды, или попытаться изменить обстановку, избрать другие, более выигрышные стратегические варианты? Прежде всего, нужно разобраться в причинах нефтяных катаклизмов, финансовых затруднений, в которых оказалась отечественная экономика, обладающая достаточно крупными запасами углеводородного сырья, но зависящая от оборотов чужой задвижки. Хотелось бы успокоить финансистов, приученных к пополнению казны за счет нефтяных богатств, но сегодняшние реалии принуждают готовиться к худшим вариантам. Нужно считаться с общей ситуацией на мировом рынке: кроме российской, на торгах много более дешевой ближневосточной нефти, нефти из Казахстана, Азербайджана. Казахстан, который в 1997 году добыл 25 миллионов тонн нефти, благодаря ускоренной разработке Тенгизского месторождения рассчитывает в 2007 году извлекать 90 миллионов тонн, а еще через 5 лет — довести добычу до 125 миллионов тонн. В 1997 году Азербайджан выкачал из своих скважин 12 миллионов тонн, а к 2012 году планирует увеличить производительность своих промыслов в четыре раза. Главное — не количество нефти, а затраты на добычу, такса распродаж. Суточный дебет скважин Ирана 680 тонн, Саудовской Аравии — 780 тонн, на Тенгизском месторождении в Казахстане — 950 тонн. На российских промыслах средняя производительность одной скважины — 7 тонн, в Татарстане — 4,7 тонны, в Башкортостане — на тонну меньше... При одинаковых эксплуатационных затратах нефть высокодебитных скважин дешевле, чем продукция малопродуктивных точек. Разница не в копейках, а в рублях, долларах. При таком раскладе российским промыслам рассчитывать на стратегическую инициативу на нефтяных рынках, по крайней мере, легкомысленно. Марсель ЗАРИПОВ. Лауреат Государственной премии РТ имени Г.Тукая. Фото А.Сабирова.

Источник: <http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-37248/>

© Газета Республика Татарстан